

18+

**КОНСТАНТИН
ЖИЛИЯКОВ**

**2 ГОДА
В САЛОГАХ**

Армейские Целории

Константин Жиляков

**2 года в сапогах: Армейские
истории. Антология
Армейских Приключений**

«Издательские решения»

Жиляков К.

2 года в сапогах: Армейские истории. Антология Армейских Приключений / К. Жиляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-598001-4

Сборник армейских историй, основанных на письмах, которые ранее были опубликованы — «2 года в сапогах», «25 лет назад» и «50 лет назад», а также повести «Армейские истории». Как это было 25 лет назад в 1998 году. Воспоминания обычного солдата, служившего в гарнизоне ПВО Московской области. Лирика и юмор. Тыл и война. А как служили 50 лет назад? Настоящее погружение в прошлое с помощью писем, найденных на старых антресолях и пролежавшие более 50 лет. Добро пожаловать на службу!

ISBN 978-5-00-598001-4

© Жиляков К.
© Издательские решения

Содержание

Армейские Истории	6
Часть 1. Запах	6
Призыв	6
Карантин	6
Тумбочка	7
Делай раз!	8
Дискотека	9
Рота подъем!	9
Узник	10
Ништяки	11
Рота! Газы!	12
Сгущенка	13
Часть 2. Духи	14
Прокачка	14
Взвод охраны	15
Нычки	16
Тренаж	17
Залетчики	18
Бутер	19
Побег	20
Госпиталь	21
Цыгане	22
Бои без правил	23
Триста баксов	24
Мерс	25
Крокодилы	26
Котики	27
Новогодняя ночь	28
Часть 3. Слон	30
Духи приехали	30
КПП	30
Штык-нож	31
Патрон	32
Шинелька	33
За ворота	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

2 года в сапогах: Армейские истории Антология Армейских Приключений

Константин Жилияков

© Константин Жилияков, 2023

ISBN 978-5-0059-8001-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Армейские Истории

Часть 1. Запах

Призыв

В армуху Витька попал в весенний призыв. Блата не было, да и не подумывал о том, чтобы откосить от службы. Рос он в простой советской семье. Родители были простые работяги с завода, того самого, на соседней улице, рядового городка средней полосы России.

Общение со сверстниками было на уровне «ты мне – я тебе». Рабочее окружение, пьянки отца и драки на общей коммунальной кухне, наложили свой отпечаток и на психику Витьки.

Вечерами во дворе их общаги, с парнями, слушал рассказы и небылицы о блатной жизни, звучали песни о зонах под гитару, лился «агдам» и «портвейн», принесенный старшими, работающими на заводе или учащими в шараге. Ну, и куда ему было идти? На гоп – стоп по уголовке или армуху?

Так, что выбирать пацану не приходилось. Побрился, проставился парням спиртяшки с пивом. Утром под небольшим градусом, пришел в парк к Дому Культуры, откуда увозили призывников. Подкатил желтый «Пазик». Зачитали фамилии по списку, загрузились внутрь и поехали.

Призывники с похмелья, некоторые свежедатые. Захватили пиво, вино, водку. Прапору дали, и не одну бутылку и себя не обидели. Веселье продолжалось.

Часа через три подкатил автобус на распределительный пункт. Выгрузились, все вещи положили перед собой. Их шустро обыскали, спиртное и скоропортящееся мигом отобрали.

Сказали: «Сидите, команду соберут и в часть поедите». В зале ожидания местные солдаты отобрали всё что осталось у пацанов. В часть приехали уже без сумок, рюкзаков и пакетов. Хорошую гражданку им сменили на старую, типа все равно отберут. Сигареты остались, спички остались. Зажигалки отжали.

«Ну, да ладно – говорили приговаривали – сами поймете, станете старше, тоже все будете отнимать. Все так делают. Не вы первые – не вы последние».

Подошел офицер, огласил весь список и устало велел идти за ним. Опять автобус, потом поезд всю ночь до Москвы. Сок, печенье, разговоры, анекдоты. Утром на Ярославском пересадка в автобус.

Едет снова желтый «Пазик». только по Московской области. Витька в окно смотрит – не привычно – далеко от дома. Никогда не уезжал никуда, а тут, уехал – а все то же самое. Поля и леса, поселки и дороги. Столицы так и не увидел.

На учебке их назвали «запахами» и построили у низенькой и дряхлой казармы. Деревянные стены, двери, внутри пахнет сыростью и старостью. Облезлые деревянные полы, деревянные рамы. Это «карантин».

Карантин

Старые гражданские шмотки сдали, выдали армейский камуфляж. Большие кирзовые сапоги. Ремень с бляхой, кепку, тоненький ремень для штанов, вафельное полотенце, ну, и конечно не новые потертые трусы с зеленой майкой. Трусы, и майка были безразмерные. Каптер выдал одежду и повел в баню. Помылись, обновки примеряют. Нарядились пацаны – на матрёшек стали походить, ибо одежда была не по размеру многим.

– Давай меняться?

– А давай...

Махнулись формой. Хоть как – то одежда стала им по фигуре.

Дальше – больше. Теперь будем учиться мотать портянки.

Оказалось, не все так просто. Но все очень просто! Портянки правильно намотать – нога будет цела, иначе – мозоли до крови. А кто через это не проходил? С шишками и с мозолями солдат становится опытнее. С портянками справились. Лиха беда начало!

Теперь надо и одежду привести в вид солдатский.

– Так... берем спичку, макаем в раствор хлорки и подписываем. Слева на кармане кителя – фамилия, инициалы, номер части. На кепке и на штанах тоже самое. Пишем не торопимся. – наставлял бойцов терпеливый сержант. – Куда ты... как тебя? долдон... херачишь!? Сказал же на кармане!

После подписания одежды, пришиваем знаки различия и отличия.

– Итак: две «мандавошки» втыкаем в воротничок. – учил сердобольный сержант. – На левую руку, вот в этом месте, – показывает на боковую сторону бицепса. – пришиваем шеврон.

Шеврон с надписью Россия и флагом страны имеет еще и надпись – вооружённые силы. Как будто не понятно, что вооруженные. Какие они еще могут на солдатской одежде быть? А «мандавошки» что за чудо такое? Оказалось это маленькие знаки отличия ПВО – с крыльшками и молнией узла связи.

– Так, и напоследок в кепку звездочку. Подходи, разбирай.

Потом сержант показывал, как подшивать белый воротничок: «Каждый вечер отрываете, стираете с мылом. Еще удивитесь какой он грязный будет к вечеру. Повторяю – отстирываете до белизны. Потом сушите, гладите, смотрите не передержите утюг – вмиг пожелтеет воротничок и придётся новый искать».

После воротничка показывал, где размещать нитки – черную и белую, намотанные на иглы и где же вы думали? Внутри кепки. У Витьки быстро получилось пришить и шеврон, и воротничок. Умел с детства любые хозяйственные дела делать, а уж шить и подавно.

Да и сапоги начистить легко!

Все ему нравилось, все у него получалось.

Служба началась, ребята...

Тумбочка

Итак? Что мы имеем? Офицер. Два сержанта. Казармы. Плац. Столовка. Спортгородок и трехэтажки для офицеров. Вот и вся часть.

Недалеко – поселок. Магазин и киоск.

В части человек 160 как говорят. Взвод и того меньше. Сержант нормальный. Терпеливый, понятливый, службу не рвет. Много рассказывает. По возрасту, года на два старше.

Строевая с подъема до отбоя. Мозоли на ногах. Потом отбой. Потом строевая.

С первого же дня стали ставить в наряды. До Витьки на третий день очередь дошла.

Дневальный. Тумбочка. Устав.

– Зубри отсюда и до обеда.

– Да товарищ сержант!

– Че за да? Так точно! Повтори! Так точно! Понял! Есть! – все что ты должен усвоить – это три ответа. Больше ничего! Усваивай.

Развод и и вот Витька стоит на тумбочке. Устав зубрит.

– Так, запоминай – один дневальный стоит и отдает честь всем, кто входит офицерам. Если старший по чину войдет, то подавай команду «Смирно!» Второй дневальный – наводит

порядок. Постоянно! Он не должен стоять или спать, или трепаться с кем – то! Он всегда в пахоте!

Дежурный по роте – сержант наш. Тот самый что учил подшиваться. Сказал поможет, а пока Витька стоит на тумбе и учит звания офицеров. Утром он должен на зубок рассказать еще и обязанности дневального.

Да, не легки будни солдата, строевая это фигня оказывается. Знай, поднимай ногу, жара, пот течет, а ты поднимай ногу. А тут еще и учить, что Витька терпеть со школы не мог. Стихи, поэмы на зубок учить – только зубрить, только часами одно и тоже проговаривать. Эх, да пошло оно все!

Два часа пролетели – сменился дневальный. Сержант повел Витьку учить наводить пахоту:

«Первое и самое главное – это сортир! Писсуары должны блестеть как у кота яйца! Унитазы – промывать что бы не было и запаха дерьма! Вы еще пирожками мамкиными сrete, запаха от вас до хера, потом и зовут вас запахами, а нам – людям, что нюхать? А, нет, браток. Давай бери ведро, хлорки кружку зачерпни, и в каждое очко лей. Пол – чистый что бы всегда. Кто пришел-ушел, сразу протер, а после вечерней помывки уже с хлоркой помоешь. Перед отбоем. Дальше – взлётка, спальное помещение. Короче разберешься!»

Делай раз!

Витька все понял. Ничего нового. Все это уже слышал и на гражданке от пацанов, кто служил и приходил. Мало правда таких было у него в компашке. Нравилось, как Леха рассказывал. Дембельнулся год назад. Успел все уши прожужжать что да как там в этой армии делается.

Ну, так вот эти знания и пригодились.

Раз, два и пролетел наряд как сон. Хотя сна то и не было почти – устав учил всю ночь. Утром вздремнул пару часов как дневальный отдыхающей смены и с криком «Рота подъем» подорвался.

А там завтрак, поручения, уборка помещения, обед, и сдача наряда. Вот и сутки пролетели. Подмести крыльцо, вымыть туалет. Под конец наряда отнесли мусор, покурили с вторым дневальным. Тот угостил «Честерфилдом». Надыбал где – то. Держал до удобного момента, при всех курить нельзя – вмиг разойдется пачка, а на двоих тайну можно сохранить.

Хороший табак. Не то что местная «Прима». Свои – то, с гражданки, сигареты давно уже кончились, да как давно – на первый же день. На распределительном отобрали, потом в карантине сержанты начисто отмели. Всем «Приму» дали. Курите травитесь. Кто не хочет – тот в пахоту. Веники взяли и вперед. Закурили даже те, кто не курил в третьем поколении, а может в пятом. Страх пахоты сильнее даже чем «Прима» моршанская.

Вот так и живем – если что хорошее, то прячем от всех, чтобы не кончилось. А хреновым чем, то делимся.

Нормально служим.

Пойдет!

Витька стал ждать следующего наряда, это всяко лучше, чем строевая весь день. Ходи туда – сюда, тяни ногу. Держи «Делай Раз!» – ногу вверх. Стой пять минут. «Делай Два!» – отпустил ногу, и опять «Делай Раз!» и так по кругу, час, два, три, еще автомат крутить, на грудь, на плечо, как роботы оттачивают движения днем за днем. Тупизна.

Но, если тренируют значит это кому – то надо!

Присяга скоро.

Дискотека

Как же ждал наряда Витька, вот и дождался – только распределили в столовую на этот раз, а что в столовой?

Здание находилось отдельно от казарм. Идти туда строем, с песнями, минут семь. «Катюшу» пели, что же еще петь. Учебка все – таки. У столовой рота ждет, пока выйдет обедающая рота. Вышла – зашли. Пять минут на принятие пищи. Обычно каша – три раза в день, суп – не суп, а похлебка. Как говорят сержанты – баланда. Чай, компот, ну вы поняли... все по распорядку, асе по ГОСТу, который и висел тут же рядом на стене. А что по ГОСТу? Яйца, рыба, мясо, нормально, можно жить. Было бы вкусно.

Витька не прихотливый. Ел все что давали. Ел быстро. Не ел, а принимал пищу. Потому что вкусно и сладко – это было не про столовку в части.

Дневальным по роте заступали два бойца. Они справлялись с уборкой в казарме на роту в шестьдесят солдат. Столовую же, обслуживающую двести ртов, нужен наряд побольше.

Для этого с каждой роты присылали по два человека. Дежурный по столовой – сержант – распределял: кто работает в зале, кто на кухне.

Те, кто работает в зале – моет столы, полы, предварительно стулья поставив на столы. После того как полы просохли – стулья опускаются и задвигаются к столам ближе. Перед приемом пищи на каждый стол разносится большая тарелка с нарезанным хлебом.

Те солдаты, что на мойке, называют её «дискотекой». С завтрака до отбоя ребята моют металлические миски, алюминиевые ложки, кружки, поварешки и огромные баки. Ну, а еще рабочие чистят картошку, много картошки, капусту и свёклу на суп, носят заготовки со склада и разгружают хлебную машину. Работы в столовой всегда хватает и стоять-курить бойцам некогда.

Заступили после обеда, приняли наряд. Раскладываем всё к ужину. Пришла первая смена. Поели. Гора посуды. Надо быстро складывать, ведь вторая смена идет есть, потом третья, посуду уже некуда складировать, баки залиты и забиты тарелками под завязку. Но это еще ужин – самое худшее обед – там же две тарелки на одного бойца уходит. В два раза больше посуды мыть.

Поели все смены. Теперь очередь офицеров – у них посуда фарфоровая. глубокие тарелки для супа и ложки, тарелки для второго и вилки, белоснежные кружки с маленькими ложками для сахарного песка и нож, масло мазать на кусок тонко порезанного хлеба. И еда у них другая – офицерская. Офицерам положено.

Времени совсем мало что бы успеть помыть столы и полы до прихода офицеров, а особенно командира части. Не то крику будет – не оберешься!

На то они и офицеры, чтобы отличаться от солдат.

Наконец – то все поели! Теперь мыть посуду. Вот и началась дискотека. В зале полы моют. На мойке посуду. В варочной плиту дряют. Все рабочие при деле.

Рота подъем!

Перед отбоем повар сержантам картошку жарит. Тонко нарезает ломтики и обжаривает под картошку фри в большом количестве подсолнечного масла. Одновременно на другой сковороде медленно обжаривает молоку из рыбы, обваленную в муке. Магнитофон играет кассету «Руки Верх», дежурный по столовке закуривает с фильтром на заднем дворе.

Рабочие домьли посуду и полы и вперед на заготовку. Надо на завтра все приготовить – очистить, нарезать, нашинковать, помыть, загрузить в баки, поставить на плиту – на завтрак, на обед и на второе, помыть полы, все разложить, убрать очистки. Вот уже и 2 ночи, спать пора.

В пять утра подъем. Плитку включили, чай попили, поставили кашу варить, тарелки и ложки отнесли к раздаточному окну.

– Рота подъем!

Вот и начался новый день. За завтраком обед. И опять по кругу.

Витьку поставили за хлеборезку. Толстая доска, на которую ставят буханку, разрезают пополам огромным широким ножом. Пополам буханку, потом нарезать на куски. Дедам тонкие и ровные. Всем остальным как попало. Главное, чтобы одного размера.

Бац! И по пальцу... кровь брызнула на хлеб.

Бац! Затрещина от повара.

Бац! Пинок от дежурного от столовой, который, как всегда, где-то рядом, всегда за всеми следит.

Хлеб в бак для отходов, потом на свинарник относить. Хлебореза заменили. Витьке перебинтовали палец.

Хреново. Мыть посуду нельзя – палец загниет, да и кровь не остановится.

Мыть полы нельзя – тем более загниет от грязной воды. От наряда по столовой пока не заживет палец – освобожден. Скоро Присяга, не дай Бог еще палец загниет и раздует. Родители же приедут.

После обеда подготовка к сдаче наряда и до ужина сдаешь – моешь и драишь все заново. Сержант, который принимает наряд, придирается до любой фигни. Но, знает, что завтра к нему будут придирааться также.

Перед ужином, за пять минут до построения, наконец – то освободились от наряда. Прибежали в роту, встали в строй, и снова пошагали в столовку ужинать. Глаза бы на нее не смотрели. За сутки опротивела.

Не мы так другие.

Не другие, так мы.

– Рота сесть! К приему пищи приготовиться! Время пошло! – звук ложек по тарелкам, и гул общего чваканья. Застукали стаканы по столу. Вскочили и к выходу, проталкиваясь к двери, мимо кормушки, куда отдают пустую посуду в руки пронырливым рабочим по куне.

Дежурный по столовой ухмыляется и командует:

– Рота выходи строиться,

А там уже сержант командует:

– В роту шагом марш, левой! Песнь запевай!

Так каждый день...

Узник

Рота стояла на плацу, мерзко моросил дождик. Витька зачитал заученную фразу, расписался. Отдал честь. АК в руках было непослушным, да еще и холодило сталью. На трибуне стояли командир части, прочие офицеры, ротный. Обстановка торжественная. Все важные. Рота прошла маршем, тянула ногу и рвала горло, как одуревшая. Командир, от счастья, толкнул речь, поздравил солдат с принятием Присяги.

– Вольно!

Родители расплакались, обняли сыновей и быстренько забрали их в увольнение. Остальным, к кому не приехали родители, накрыли в столовой праздничный обед. Повар очень старался, сварил солянки, нажарил котлет с картошкой. Ели от пуза. Сегодня пацанов никто не трогал. Сегодня они были героями. Сержанты по – свойски общались. Кому – то одолжили деньги на звонок родителям, кому – то на фотку с плаца. Все дружелюбны. Все ждут вечера. А вечером сержанты уединились и напились, конечно. Тоже их праздник – вырастили смену, обучили, осталось только увезти в часть из учебки.

Всё, кончился карантин и теперь они «духи». Вот переступят порог КПП той части, в которой будут проходить дальнейшую службу, и будут их называть «духами».

Перед Присягой один чувак свалить решил. Домой бежал, да не добежал. Менты поймали недалеко от части. Сидит, ждет, когда за ним военная комендатура придет.

Ночь, Витька на тумбочке, арестованного охраняет.

Тот стучится.

– Пусти покурить!

Привязал арестованного за руку веревкой и вывел на двор курить. Это сержанты строго настроено наказали – привязывать узника. Что бы не ушел в побег опять. Покурили, договорились. Узник передает пакет еды. Откуда у него хавка в каптерке, может родители приезжали, передали под шумок. Витька назад его отвел, отвязал и запер.

В бытовке вскипятит банку с водой. Кипятильник самодельный – из двух бритвенных лезвий, между ними проложены две спички, и прикручены провода. Бросаешь «бульбулятор» в банку, пару минут и все готово.

Кипяток готов, чай заварен, Витька пацанов пошел поднимать.

Сели «духи», чая попили, печенья, колбасы, «ништяков» поели, устроили пир на всю казарму, пока сержанты не видят. Потом на крыльцо вышли курить. Погода теплая, дождик кончился, пообщались, спать разошлись.

Витька и узнику чай «бульбулятором» вскипятит, и пакет с тем, что осталось, передал назад. Утром сержанты все одно отберут, если увидят.

Прятать некуда – все нычки известны. В подсобке у узника, все сохранится, и на следующую ночь хватит. Его только через день, в понедельник, на Губу заберут, а может и не заберут. Как родители договорятся с командиром, а то может сразу домой. Были и такие случаи.

Ништяки

Стоит Витька в наряде.

Сержанты в бытовку магнитофон принесли. Радио включили в казарме.

Праздник.

Можно.

В воскресенье стали солдаты с увольнения возвращаться, уже ближе к ужину и отбою, с пакетами и сумками. Сержанты отобрали, отсортировали, часть на кухню в холодильник, скоропортящееся, часть себе в каптерку закрыли. Солдат не обделили, оставили и духам «ништяков» пожрать с чаем.

Сигарет-то сколько! Блоками приносили.

Все на «фильтра» перешли.

Благодать.

Витька такие и на гражданке не курил.

«Мальборо», «Соверен», «Парламент» обкурились.

Всю ночь, пацаны с толчка не сходили, после мамкиных пирожков и ништяков. Обожрались, вот и не выдержал организм, который к казенной еде уже привыкать начал.

Понедельник резко ворвался в армейскую жизнь. На разводе ротный развел солдат по работам.

Всё, братцы, присяга прошла, хоть строевой не будет.

Солдаты ждут распределения по частям, но сначала надо и на часть поработать. На разводе сержанты спросили кто, какой гражданской профессией владеет.

– Водилы два шага вперед.

Пацаны вышли, и за сержантом потопали в гараж.

Остальных парней поделили на группы: кого на распилку леса, кого на заготовки в колхоз, кого на погрузку каменного угля в котельную.

Кто и в свиарник попал на работу, а Витька в лес пошел, грибы искать и веники рвать для офицерской бани.

Кому как повезло.

Это ж армия, русская рулетка.

Рота! Газы!

– Рота подъем! Стройся на плацу.

Пробежка, умывания, завтрак и на работы. Сегодня заготовка леса для местной пилорамы. Завтра – заготовка ягод для колхоза. После завтра – копать огороды для... а для кого – какая разница. Служба же идет. Неделя уже после Присяги. В пахоте дни летят за один. Молодость проходит.

Бойцов чередует, то пилорама – на плечах синяки от бревен, на руках мозоли от двуручной пилы. На следующий день уголь грузить в котельной, Витька весь черный как негр. Машины с кирпичами разгружать – рук не чувствуешь.

Вчера до подъема подняли, в четыре утра, загрузили по автобусам, зато покимарить можно, пока доедет эта развалюха до полей. А там ягодный рай.

Черная смородина. План – десять ведер на солдата. Июль, жара, солнце палит, все загорелые, зато. Один плюс.

Ну, а сержантам на поле всё позволено, и отпинать могут за милую душу. Им то, что это офицеры план гонят, а спрашивают с них, и тоже наказывают. В душу могут легко пробить. В солнечное сплетение.

Вечером с ног от усталости валяются солдаты, сразу спать после ужина. Завтра воскресенье – может выходной? Как бы не так.

В 5 утра заверещала сирена. Боевая тревога.

– Рота Подъем!

Разбираем ОЗК! Марш-бросок на 15 км в полной выкладке, без АКМ, кто же автоматы выдаст духам? Хотя, юридически еще не духи – в часть не привезли по месту службы, да и дедов то нет. Автоматы все-таки один раз держали. АКМ-74 еще до Присяги гоняли пацанов на стрельбище, и даже стреляли три раза. Потом сфоткались для родоков, без рожков правда. Витька отослал своим фотку.

Сержанты отслужили полгода-год. Кто-то первый раз приехал за духами, кто-то второй раз. Пацаны ничего, службу не рвут, но им же лычки обещали, после возвращения в часть с новым призывом. Обычно им еще по одной лычке накидывают.

Бежит Витька, пот застилает глаза. Сержант не унимается:

– Вспышка слева, вспышка справа.

– Делай раз. Делай два.

– В атаку. Вперед.

– Рота! Газы

Недели противогазы, попадали в лужу. Витек терпел, все терпели. Куда деваться – сержанты, офицеры, все бегут. Командир приказал. Только в лужи мордой падают не все. Хорошо в противогазе.

Расцвело уже. Прибыли назад. Выходной объявили.

Хорошо.

Сгущенка

Витька вздохнул и выдохнул – зачитали списки заступающих в наряд. Опять столовка, но для начала роту погнали в баню мыться. Столовка это фигово, конечно, не отлучится в самоволку, а Витька уже бегал и не раз. Как дневалит, так и «самоволит» в посёлок.

Дневальный на тумбе предупреждён. Витька, дневальный свободной смены, под предлогом выноса мусора, бежит в поселок, в магазин.

Свежий лесной воздух, по пути в озере искупаться. Главное время не забыть, часов-то нет, всё на интуицию рассчитано.

Туда десять минут бегом, обратно десять минут. В поселке прошмыгнув мимо домов, чтобы никого не встретить из местных, сразу в магазин. Пряники, конфеты, сгущенка, и бегом назад. Один раз покурить остановится и вот уже забор части. Пацаны, к кому приезжали родители, деньги заныкали, вот и скидывались, а Витька умел добывать и быстро доставлять.

Попался раз, и то не по своей вине. Побежал Витька не один, а с пацаном, возвращаются уже, тот предложил: «А давай одну банку сгущенки выпьем! На двоих, больше достанется, чем в пятерых».

«Давай» – Витка вытащил перочинный нож, пробил сверху крышку, вскрыл банку, выпили по очереди. Время потеряли, стали торопиться и решили срезать путь. Вот и вышли не на ту дорогу. Бегут вдоль поля, а поле то не то, чувствует Витька. Поля все одинаковые. Бегут, а части нет и нет.

Когда один солдат бежит, дневальный отмажет напарника, а когда двое бегут, да еще кто не в наряде, могут и нарваться.

Вот и попали пацаны. Кружили, кружили, выкружили в часть, а там солдаты на плацу построены. Переключка идет, сержанты выясняют кто убежал. Наш сержант то знает кто. Нервно стоит, смотрит по сторонам, увидел, махнул рукой.

Попало Витьке не сильно, в наряд улетел, а с наряда снялись, так сразу увезли по месту дальнейшей службы. Сержант для проформы пробил пару раз в душу и отстал, забот полно, в часть едут.

Хорошо, штык-ножей на карантине духам не выдают, и так грехов с побегам хватает, не дай Бог, с оружием бегать начнут.

«Дебилы малолетние» – как сказал бы ротный.

Часть 2. Духи

Прокачка

После учебки привезли молодых духов в люберецкое подразделение ПВО. Место болотистое, рядом с лесом, воздух был сырой. Рота насчитывала 60 человек.

Духов собрали в спальном помещении. Положили в упор лежа. Слоны, так называли второй период, те, кто уже отслужил больше полугода, грозно и голодно смотрели на новичков.

- Делай раз.
- Полтора.
- Выше голову.

Жестко считал сержант. Молодежь прокачивали, одновременно оглашая правила роты, а правила или законы, по которым живут здесь все, от духов до дембелей были неуставными. Главное – то, что офицеров устраивало, солдаты подчиняются, а что у них происходит внутри казармы, это дело пятое уже.

Витька терпел. Здесь не учебка, здесь все серьезнее. Это в учебке на отряд духов – пару сержантов приходится, а тут на горстку духов – аж полсотни солдатни, которые истосковались по воле, а духи ведь только что оттуда, от них еще и пахнет городом, да и мамкины пирожки еще в унитаз не провалились. Вот их то и будут прокачивать, делать, так сказать, натуральных духов.

– Что за смешки в строю? – сержант грозно зыркнул на солдат для профилактики. Это после ужина молодежь вывели на плац, разучивать строевую песню. – Что шенки? Смешно? После отбоя в сушилку. Слоны. Ваш косяк.

- Ну, всё вешайтесь, – зашикали слоны на духов, – в первый день попали. Все вешайтесь.

Витька не понял почему, только ночью он узнал, что оказывается кроме слонов – их, духов не может тронуть никто. Тут иерархия особая – деды учат черепов за косяк черепа, а те в свою очередь учат слонов – за любой свой косяк, и за косяк духов. Слоны были шикарно прокачаны после отбоя черепами, и на взвод молодых, накинудись всей сворой.

- Упор лежа принять!
- Отставить! Упор лежа принять!
- Делай раз!
- Два!
- Полтора!

Духи отжимаются. Руки дрожат, пот по лбу стекает на глаза. В сушилке-то еще и жарыща. Так в течении часа. Слоны прокачивают и приговаривают. Руку в карман положишь – карман набивают песком и зашивают. Ремень не затянул – так отрегулируют по объему головы и носи себе на здоровье. На кителе верхние пуговицы не расстёгивать. Кирзачи должны блестеть как у кота, сами знаете что.

Воротничок белый, никакой еды или крошек в карманах. Порядок везде и во всем. Тумбочка без лишних вещей. И так далее по списку.

Перед отбоем распустили по одному из сушилки в расположении роты. В туалет успели сбегать и опять сбор на взлётке.

Дежурным по части заступил замполит. Он велел духам раздеться по пояс, прошел, посмотрел. Переписал фамилии те с синяками или подтеками. Не дай Бог кто-то уже попал под молотки. Довольно скомандовал «Отбой».

А вот воротнички пришлось стирать и подшивать уже после отбоя. От отжиманий воротник стал грязный. Витька быстренько простирал воротничок под водой с мылом. Насухо отжал

и встряхнул. Заодно умылся, не забывая про подмышки и ноги, потом занял очередь в бытовку за утюгом. Все делалось тихо, без звука, но казарма не спала. Деда просочились в столовку есть «ништяки», дневальные готовились к мытью взлётки и коридора, и шикали на духов, которые бегали с воротничками.

Ну, вот и подшились. На обратном пути его зацепил дневальный и приказал наполнить ведра водой в сортире и принести. В спальном помещении не громко играло радио. Все уже угомонились. Витька притащил ведра с водой и быстро свалил, пока не припахали мыть полы.

Только здесь это не положено. Дежурный офицер зайдет, а дух в трусах моет взлётку. Вот и вздрючат весь наряд – от дежурного по роте до дневального. Особенно когда замполит дежурит, то он и наряд еще снимет. Легко местами поменяет, и сержант будет взлётку драить, а дневальный им командовать. Так что никто не рисковал.

В сортире часто припахивали. Особенно если на тумбочку залетит по залету череп или не дай Бог дедушка. Все делал за них второй дневальный, а тот припахивал в помощь и духов. Только что бы никто не видел.

Витька закрыл глаза, сквозь говор дедов в дальнем углу казармы, он засыпал.

Ни фига себе попали в часть...

Взвод охраны

Военная часть, куда попал Витек, состояла из одной роты. Рота делилась на три взвода. Два взвода ходили в подземный бункер на БД – боевое дежурство. Бункер носил кодовое название «Центр» и состоял из трех этажей под землю и лабиринт коридоров. Также на территории части, кроме казармы и ученического корпуса, находились несколько складов и хоз. постройки.

Молодых сразу отсеяли – шоферов в гараж, повара в столовую, электрика и котельщика в котельную. Всех на стажировку.

Остальных духов отправили на уроки азбуки Морзе, но прежде, все проходили через кабинет замполита. Витька зашел в кабинет, ответил на вопросы. Он имел гражданскую специальность электромонтера, и замполит его отправил к электрикам в котельную под командирование майора Майорова. У того с электриками был полный порядок, но на котельной оставил, и автоматически Витька попал во взвод охраны.

Те, пацаны, кто не имел слуха и не улавливал морзянку, косил от учебы и не прошел стажировку, те попали тоже во взвод охраны, а взвод охраны метался по нарядам и в пахоте.

Хлебозаводу нужны дополнительные руки. На теплицу требовались помощники. Пилорама ждала бойцов для разгрузки и погрузки досок. На продскладе перебирать овощи. На свинарнике ждали духов убирать за свиньями и глушить крыс. Пахоты всегда и для всех хватало. Кроме основных работ гоняли еще в командировки, дальние или ближние. Одни разгружали фуры на дальнобойных стоянках.

Распорядок дня для был простой. Дни ничем не отличались друг от друга, утром с развода на работу, после обеда в наряд, сутки в наряде и опять тоже самое. Тумбочка чередовалась со столовой. В патруль и на КПП пока не ставили. Молодой был. Не доверяли. Сдав наряд шли на ужин. После ужина духов гнали на чистку картошки до отбоя. Подшивка, прокачка, отбой. Подъем, пахота, наряд. Круговерть первого полугодия.

Одна радость – письмо придет, или в воскресенье не в наряд, то телик на пару часов.

Ну, и совсем уж фантастика, если дежурный офицер принесет видеоплеер с кассетами. Стоит Витька на тумбочке, а в «Ленинской комнате» всю грохочет боевик с Ван Дамом, «Смертельное оружие» или «Полицейская академия». Ржут все довольные. А ночью сержанты смотрят запрещенку, один раз притащили кассету «Лики смерти». Потом ходили, рассказывали всем.

Кроме тумбочки разводили на столовку – а там ожидала дискотека. Тарелки, ложки, кружки и бачки. Полы и столы. Чистка картошки. Все уже знакомо. Патрульным Витьке нравилось ходить. Два часа ходишь – два отдыхаешь. Ну, как отдыхаешь, ночью спать дадут, а вечером припадут как обычно. Патруль не суточный, а по 12 часов. Так вот – два круга, каждый по часу. На всем маршруте стоят грибки, похожие на телефонные будки. под металлической крышей грибка находился телефонный аппарат. Только аппарат имел одну кнопку и телефонную трубку. Время от грибка до грибка зависело от расстояния. например до одного грибка 15 минут, а до следующего 7. Не нажмешь вовремя на кнопку – верещит сигнализация. В казарме, на стене, за спиной дневального, висит карта маршрута с местоположением грибков. Каждый обозначался лампочкой. Не нажал патрульный вовремя на кнопку – лампочка загорелась красным цветом. Дневальный набирал по телефону номер грибка и дозванивался на него. Патрульный отвечал на звонок и докладывал обстановку. Система была старая, еще советская, звенела и работала исправно.

Молодые по началу не успевали доходить до грибка за положенное время и сигналка звенела, поэтому звук просто отключали, а лампочка, да и фиг с ней горит и горит. Главное, что бы офицер не заметил.

Раздолбайство всюду и везде. Что делали на патруле – в следующей главе.

Нычки

Молодые бойцы всё теснее общались и всё больше узнавали друг друга, сплачивались в компашки по два – три человека, корешились. Витька со всеми был в нормальных отношениях. Вместе по нарядам летали и вместе на работы ходили. Пуд соли ели. Ну, и «ништяки» делали пополам. Никто друг от друга не крысил, не прятал по карманам.

Разные варианты могли быть, где держать нычку. «Центровые» – те, кто на Центре морзьянку отстукивали у себя под землей и ныкали. У нас возможностей было больше – котельная, столовка, гаражи и художка.

В столовой на кухне в помощниках у главного повара метался земляк Витьки – Макс. Максим был паренек веселый, терпеливый, только доставалось ему по первое число за косяки на кухне. В столовке все было на виду, прапора постоянно шмонали и пересчитывали продукты. Сержанты хавали картофан по ночам и палили каждую конфетку. Дежурный по столовой и сам повар, старшего периода, тусовались там часто, но не всегда.

Костя служил штатным художником, и надо сказать художником он был от Бога, в последствии его талант ушел на набивании тату сослуживцам. В художке Костя числился пока еще стажёром, а заправлял крутой череп Песок. С ним, все знали, шутки были плохи. Поэтому художка – не правильная нычка для духов.

Еще был гараж, но это территория «карданов». Шофера служили обособленно от всех. Командирский водила Диман возил полкана на «Уазике» и потому постоянно бывал на гражданке. Часто привозил ништяки, кассеты для видео и аудио магнитофонов, покупал на деньги роты. Авторитетный парень, с которым лучше дружить, и за мелочь или услугу Диман мог с гражданки привезти что угодно. В наряды он не ходил и никто, никогда, его не трогал. Остальные «карданы» шоферили на «Зилах», иногда бегали в наряды, иногда были на работах, если не было выездов или накосячили, но... в гараже пахота была всегда. Даже если её нет – придумают сами себе, лишь бы в наряд не ходить.

Котельная самое подходящее местечко для нычек. Там у «Мазуты», так звали Вовку кочегара, всегда духи ныкали посылки, заначки и передачи.

Маршрут патрульного обязательно шел через котельную. Что бы перекусить достаточно было забежать к Мазуте, а как же сигнализация, спросите вы? Нужно было все лишь заранее

договорится с дневальным, он отключит звук в роте. Как я уже говорил, будет гореть лампочка, и её можно прикрыть.

Солдаты одного периода помогали друг другу, рука руку моет и завтра тот, кто дневалит, отправиться в патруль и наоборот сегодняшний патрульный встанет на тумбу. Это все цветочки.

Витька пробовал и другой вариант, когда в нычках не было еды.

После отбоя, на маршруте нужно было всего лишь свернуть к столовой. У черного хода ему передавали или прятали котелок с картошкой, если еще и почистят, и нарежут, то вообще отлично, если нет, то Мазута справится.

Витька двигался по маршруту, и в котельной передавал котелок Мазуте, который вечно дежурил там и следил за печью. Тот кидал картошку на сковородку

Солдат через 60 минут забегал в котельную, быстро хавал с пылу, с жару картошечку и возвращался на маршрут. Второй патрульный, так же приходил в котельную и ел, когда проходил по маршруту. Мазута добрый. Он еще и чай вскипятит. Печенье и пряники были. Время от грибка до грибка же строго ограничено. Поэтому надо было все быстро делать, и хавать и кнопки нажимать, и дневального не подставить. Лучше уж что бы лампочка все-таки не горела.

Как-то вот так.

Так что хорошая служба – армейская дружба.

Тренаж

Подъем прогремел в шесть ровно. Бойцы повскакивали с коек, стали бешено одеваться, выбегать на взлётку и строиться. У Витьки болело все тело, побои сказывались, руки ломило от напряженной прокачки каждой ночью.

«Служба есть служба» – как говорил их сержант. Сегодня он нам обещал день тренажей, а то дежурный по части жаловался, что духи не успевают отбиться. Ну что ж подъем, умылись, зарядка, прошли на корточках от плаца до бани, все насквозь сырые от пота. На улице уже не май месяц. Завтрак ничем особым не удивил. Каша как каша. Кусок хлеба, масло, бромовый чай. Может и не бромовый, кто его знает.

После завтрака началось, и потом после обеда, и еще раз после ужина. На сытый желудок особо не попрыгаешь.

Что такое тренаж – это «Отбой-Подъем». Сержант зажигает спичку и горит она у него в руке. Спичка гаснет. Что бы ни скрипа, ни звука в помещении.

Сержант стоит и слушает.

– Раз скрип.

– Два скрип.

– Три скрип. Рота подъем. 40 секунд.

Всё заново. Витька прыгнул с кровати, ноги в штанины не попадают уже, сунул руки в рукава, ступню в портянку и в сапог. Бойцы в сотый раз выбегают на взлётку. Сержант ходит проверяет.

Все ли в комках и сапогах. Ремни не надо при подъеме брать.

Сержант достает снова спичку, чиркает по коробку.

– Рота отбой. Время пошло.

И все заново.

В 10 вечера на «Отбой» пришел дежурный по части проверять. Все парни отбились без скрипа. Молодцы, быстро учатся. Одно плохо, взлётка в черных полосах от армейских сапог. Кто будет стирать? Дневальный и будет. Кто у нас сегодня дневалит?

Ну давай, браток, надрайвай.

Стоит на Витька на тумбочке, усталый, запарился. К стене прислонился, дремлет, а это строго запрещается. Службу блюсти надо, а не просто стоять на тумбе.

Надо помнить всегда кто в роте из офицеров и подавать команду: «Смирно», когда войдет старший по званию, тут же подбегает дежурный по роте и докладывает: «В роте без происшествий».

Приходит замполит или командир, то и офицер тут как тут, встречает.

Замок, зам. ком. взвода, в канцелярии сидит. Ротный идет. Подал команду. Так, Замок ушел. Ротный ушел, покурили, вернулись, подал команду. Заходит прапорщик с продсклада, а Витька, смотрит на «звездочки» на плече, да возьми и подай команду. Полковничьи погоны померещились.

– Рота смирно.

Из каптерки выламывается дежурный по роте, сержант Дворников. Из канцелярии ротный, капитан Марков. Стоит старший прапорщик перед ними, которому никто и никогда не подавал команды «Смирно».

Рукой махнул, да потопал в столовку пересчитывать продукты. Ротный что-то матюгнулся на сержанта, типа бойцы званий не знают. Дворников отвесил подзатыльник Витьке и отправил «на очки» после ужина.

Каждый день что-нибудь да случится.

Ну, не дня нет без приключений.

Залетчики

Сидит Толик на корточках перед писсуаром и лезвием бритвы скоблит по кафелю. Витька зашел в туалет. У него сегодня тоже залет. Ага, из-за прапора.

Взял Витька ведро, стал наполнять водой и хлорку сыплет. На Толика смотрит. Ну, парень попал – уже пару дней, каждый вечер, здесь до отбоя сидит. Учудил Толик на днях. Решил закосить и нажрался таблеток, где только взял, чудик. Горлом пена пошла, судороги, скорую вызвали, увезли в город желудок промывать. На следующий день пацана вернули в часть, а куда его девать? Замполит в штаб не докладывал, сор из избы не выносил.

– Пусть служит, может ума наберется, – сказал на разводе перед строем командир.

Толик из деревни, реально из деревни, даже говорит с акцентом. Вот он здесь и сторониться всех, ведет себя как отшельник в тайге или тундре. Где они там водятся.

Толика после такого косяка физически не трогали, но на очки развели. Да, да! и пальцем не трогали и в сушилку не водили отжиматься. Может он в петлю потом полезет, кто его знает, что у него на уме.

Витька промыл очки водой с хлоркой, взял лезвие и пристроился рядом с Толиком. Туда – сюда сослуживцы бегают, к отбою готовятся. Многие на картошке. Слоны курят и справляют естественные надобности. Те, писсуары что духи чистят не трогают.

Все понимают, что это такое.

Все, да не все.

Входит сержант Чича. Тот который вчера Костю чуть не покалечил. Отжимается Костян за то, что сигу не нашел дедушке, а совок уже получил за это кренделей. Вот и учит нашего художника уму-разуму. Чича шел по расположению спальни, видит Костян отжимается, разбежался вдоль взлётки и носком сапога вдарил под дых парню.

Слоны руки распускали, но замполит иногда делал телесный осмотр, поэтому духа лучше задрочить на плацу или в упоре, чем на дисбат уйти.

Чиче всё не почем. Вот и сейчас что-то задумал недоброе. Рядом человек пять его земляков стоят. Курят парни, юность вспоминают. Чича затягивается, жертву выбирает. Витьку

выгнали из сортира. Отхлестал Чича Толика и мордой его в писсуар ткнул. Потом разошлись все.

Витька заходит в сортир, а Толик лежит в луже крови и лезвие из руки торчит, а из вены кровь хлещет. Солдаты прибежали, ремнем руку пережали, дневальный скорую вызвал. Ротного из общаги вызвали. Скорая приехала. Увезла парня.

Хотел бы наглушняк, то сделал бы, а так спектакль только разыграл, а может и нет, ну не хочет парень лямку армейскую тянуть.

Толика больше никто не видел. Говорили, в дурку увезли, а может всё-таки в деревню уехал?

Замполит допрашивает духов, ну, теперь Чича с Витьки не слезет. Вызвали сержанты Витьку в каптерку. Провели беседу.

– Понял?

– Да, понял, понял...

На следующий день приперся старшина. Старший прапорщик, контрактник, ушлый мужик. Замполит дал ротному задание – найти виновника, кто довел Толика до суицида. Капитан зарядил старшину на это дело. Старшине сразу слили что Витька был на очках. Зажал он Витьку в бытовке. Прописал под дых, а удар у старшины тяжелый.

Схватил за шею и говорит.

– Ты Толика и довел. Сержанты видели. Чича видел, как ты отмудохал пацана. Так что вариантов у тебя в принципе нет. К замполиту идем, признаваться будем.

Витька, испугался, старшина сказал, что в наряд его не поставят. Ночь не спал, ворочался, нервничал, сержанты передали что бы все на себя брал.

Утром, после завтрака, на разводе, набирали команду на картошку в один из подшефных колхозов в Московской области. Минимум на десять дней. Витька, не думал даже, вышел из строя. Тут же офицер скомандовал: «Налево! На КПП шагом марш!»

На кэпэшке «кардан» уже подогнал «Зилок». Пацаны залезли под тент, и машина выехала из ворот КПП в область. Вот так Витька избежал и старшины, и замполита и Чичи, а если ушел бы в наряд, то не избежал бы.

Когда вернется, забудут все. Толика жалко, конечно, ну, он хитрый блин, сам свалил, а Витьке досталось.

Бутер

Снова побег. На картошке убежал Ушастый. Вот так взял и свалил. Искали с пацанами, потом ментов подключили, а началось всё с того, что...

Вышли бойцы на уборку урожая, кидали то картошку, то капусту. Все на виду, все рядом. Ушастый говорит в туалет надо. Раз ушел, два, три. Всё дольше были походы. Привыкли, что парень отсутствовал много раз и вот он не вернулся из туалета. Не провалился же, в поле.

Сначала забыли, вечером спохватились, думали, может на «красный крестик» попал. Офицер не парился, говорит: «Да, куда тут бежать, одни поля да колхозы».

Ушастого не нашли не вечером, ни ночью, ни утром. Рядом проходила железная дорога. Вот и рванул на «железку» чудило.

Солдат сразу вернули в часть. Случай с Толиком уже забыли. Какой нафиг Толик, когда такое событие. Домой к Ушастому менты пришли, отзвонили командиру: «Не появлялся»

Стали ждать сводки из милиции. И что думаете?

Привезли парня.

– Куда бежал?

– Домой к маме.

– Служить не хочешь?

– Хочу, погостил бы денек и назад пришел.

Вернули парня в часть. Как командир договорился, никто не знал, но Ушастый остался в роте, работал на свинарнике и в наряды ходил. Духов прокачали в сушилке за залет сослуживца. После отбоя залетчика духи подняли и отвели в сортир. Витьку позвали тоже. Били не долго, но так, чтобы запомнил, что бегать нельзя.

Скоро Ушастый снова отличился.

На утреннем осмотре при команде «Вывернуть карманы!» из кителя посыпались хлебные крошки. «Это залет боец», и никого уже не гребет, где взял – в столовой или на свинарнике.

Это залет боец!

После ужина духов, центровых и ротных, согнали в сушилку. Что бы не запалили офицеры в сушилку приходили по два-три человека. Духи упор лежа приняли, ждут худшего.

Чича вошел, довольный, улыбается. Шоу начинается.

– Кто ж не наедается у нас? Ухо ты что ль? Шас покушаешь, а парни посмотрят? Да?

Достаёт из-за пазухи, завернутую в газету, буханку хлеба. В полутьме было не разобрать, но Чича показал и рассказал. Буханка черного хлеба разрезана пополам, мякиш удален, а внутри вместо него, наложена крупная соль, перец и горчица.

Офигеть!

Дали бутер Ушастому, а духи отжимались, пока пацан давился. Чича сжалился, что было редким явлением, велел принести кружку воды. Дневальный принес, но не помогло, пока не доел весь бутер, сушилка не опустела.

Ушастый на толчке блевал. После отбоя его снова подняли духи и отвели в сортир, и Витьку опять позвали. Били дольше. Жрать нельзя, а если жрешь, то делись и без палева.

Скоро Ушастый снова убежал.

Больше никто, ни его, ни Толика не видел. Ну, и зачем таких в армию берут? Остальные только страдают. Так пусть дома сидят у мамки и титьку сосут, а если б с автоматом убежал. Да не дай Бог пострелял бы кого.

Носит же земля таких.

Не за понюх табаку и Родину продадут.

Побег

Ушастый летал из наряда в наряд, а после наряда зависал на чистке картошки. Вот и в этом раз до отбоя не успел, пришел после отбоя, сел на табуретку, взял нож и ударился в пахоту. Сегодня один на ЧК (чистка картошки), залетчиков больше нет. Бачок наполнил, дежурному доложил, что закончил, очистки уберет и отбиваться. Дежурный дал добро и ушел в ленинскую фильм смотреть. Ушастый аккуратно подмёл, убрал за собой, и решил перед сном покурить. В столовой был черный вход, рабочие по столовой даже внимания не обратили, Ушастый вышел на крыльцо.

Стоит, курит, осенний ветерок дурманит голову. Шальные мысли покоя не дают.

Ушастый докурил, затушил бычок и двинулся прочь, но не обратно в казарму, а в другую сторону. Добрался до пробоины в заборе, в самом дальнем углу части, через которую деды бегали в самоволку и двинулся вдоль забора с внешней стороны. Что бы не вызвать подозрений, беглец вышел к КПП и направился к трассе за поворотом. Ночь уже, одна за другой пролетают машины.

Вдруг фура тормознула.

– Куда?

Солдат сел. Водила расспрашивает. Откуда, куда. Дальнобойщики любят поболтать. Ушастый придумал, в отпуск едет, деньги пропил, вещи украли. Теперь на попутках добираться домой. На судьбину пожаловался.

– Откуда?

Ушастый взял и назвал первый город что пришел на ум.

– Из Тамбова.

Судьба Ушастого помотала по горам и весям, но до Тамбова он добрался месяца через два. Чисто случайно. Солдатскую одежду давно сменил на гражданскую, питался, чем Бог подаст и бабки сбивал, разжалобив судьбиной горькой. Родной дом, аж в Архангельске, путь туда далек, на попутках не добраться, но там и искать будут в первую очередь.

Попутка остановилась в Тамбове, Ушастый спрыгнул на асфальт, поблагодарил и дальше потопал. Вокал впереди, видит парень в военной форме идет, походка знакомая.

Вот так встреча, да это ж дембель с нашей части. Ушастый пока бегаёт, пацаны уже демобилизоваться начали.

Встретились, пошли дембель обмывать. Беглец наперебой спрашивал, что там в части было после побега. День за днем пролетали незаметно, Ушастый уже неделю жил у отслужившего на хате в деревне под Тамбовом. Пили, гуляли, девок вводили.

Скучно стало.

– Рванем в город? Дискотеки, девчонки?

Сказано – сделано.

В городе на танцах дембель завязался в драку, попали под раздачу. Приехали менты, повязали.

Сидят в обезьяннике, не кипишат, менты личности устанавливают. Пробивают пацанов по базам и опа-на. Бегунок попался!

В общей сложности дали Ушастому шесть лет. Через полгода вышел по амнистии, на улице уже июнь, не бежал бы – то отслужил бы ровно год, а теперь свободен и держит путь домой.

С чистой совестью и чистыми погонами.

Госпиталь

Витьку и пацана из второго взвода, отправили в командировку, на этот раз в Москву, в воинский госпиталь.

Солдат задействовали на внутренней отделке корпусов и более тяжелой работе – сруб деревьев, которые того и гляди, оборвут ветками электропровода. В госпитале лечились офицеры и те, солдаты, которым требовалось хирургическое вмешательство.

Витьку и пацанов заслали на спил тополей, управляли там старослужащие с разных подразделений части. Госпиталь, местечко сладкое, мечта – скоротать время до дембеля в столице. Деревья пилить деда даже не думали. Духи есть.

Заправлял здесь старший сержант Поп, а Попом рулил старлей, который толкал дрова налево и гнал план каждый день. Солдаты поднимались засветло и приходили в корпус уже вечером.

В выходные деревья не пилили на дрова. Разводили на работы в столовую, принеси – подай, почисти, убери, помой, покрась. Витьке поручили художку – подписывать емкости на кухне. Вырезал из картона трафарет и красной краской наносил надписи на бачки, но такая халява не каждый день.

В субботу надо было шариться, чтобы не попадаться на глаза дедам, те бухали на местной дискотеке, щупали москвичек и весело проводили время. Возвращаясь, издевались над духами и метелели их куда не попадая, а причина найдется.

Пробежала мышь – бей. Не убил – лови лося.

Убил – «Вот ты живодер», – лови два лося.

В самоволки ходили каждый день. К части примыкал парк и выход из него соседствовал с рынком. Деда быстро смекнули что к чему и засылали туда духов, попрошайничать и клянуть бабки. Деда на эти бабки и пили. Они строго определили сумму. Не принесете – завтра будет больше, как рэкет. Дедов и черепов больше, чем духов, поэтому сопротивляться бесполезно.

Витька ничего не сказал, когда подошла очередь идти на рынок. Узнал, где фуры стоят, помог разгрузить, принести товар, договорился прийти вечером помочь. Денег дали, пива, сигарет, лаваш. Перекусил, купил печенья, конфет, сгущенку парням.

Старшим такой расклад не понравился, когда узнали. Стукачек был среди своих, слил все дедам при первом же случае. Зато не трогали.

Ночью началось. Пришли пьяные, курят, галдят. Витьку вывали к себе, он бросился прочь, но в коридоре подловили. Мощный удар в грудь опрокинул на пол. Витька прикрывался, отбиваться было бесполезно. Это был круг. Деда стояли в круге и пинали находящегося внутри Витьку. Сначала толкали друг другу как мяч, потом подсечка и всё. Парень закрылся руками, ноги подтянул к животу и терпеливо ждал. Ждал и молился.

Деда устали. Один закурил, и позвал других будить духов, что бы водяру несли и пива. Витька вдохнул – выдохнул, встал на ноги и испепеляющим взглядом посмотрел на них. Нос вставил пальцами на место. Неприятно хрустнуло.

Утром были синяки на теле, глаз заплаыл, нос распух.

Офицер увидел на разводе, нечего не сказал.

Привык.

Цыгане

Деревья валили на землю, спилив у основания, потом обрубали ветки, оттаскивали. Ствол пилили двухручной на колоды, оттаскивали в сторону. Каждый день приезжала машина, загружали и отправляли. Один раз пришел офицер, сказал пацанам – загружаем машину и едем с ним на разгрузку. Блок сигарет обещал.

Витька тоже едет. Загрузили, нырнули под тент, едут, курят. За МКАД выехали. Витька как – то разговаривал с шофером, тот отвозил по нашим подразделениями воинских частей, солдаты которых здесь трудятся. Такой типа договор. Командир солдат в госпиталь на заготовку дров, а дрова в часть приходят.

Всем хорошо – лес рубят, щепки летят.

Едут, темнеет уже, поселки проезжают, область. «Зилон» остановился. Пацаны выпрыгнули. Село какое – то. Дом двухэтажный стоит, люди, похоже не русские.

Присмотрелся Витька, цыгане это.

Офицер приказал разгружать. Из разговора Витька понял, что старлей цыганам две машины дров обещал загнать. Одну привезли, завтра вторую так же вечером, когда в части никого из командного состава не будет. Закончили разгрузку, офицер подзвал парней.

Говорит: «Ребята, цыгане бои устраивают. Друг с другом надоело махать, хотят нового соперника. Вот, конкретно с тобой хотят, – и на Витьку кивает – Мне пофиг, как захочешь, так и будет. Умеешь драться? До первой крови надо продержатся».

Витька из тех солдат, что приехали в поселок, оказался самым веселым, цыгане просто на самого крупного и ткнули. Боксом Витька не занимался, в качалку не ходил, баловался на домашнем уровне – гантели, шпагат тянул как Ван Дамм хотел. Ногами махал в школе иногда, на разборках, но ничего серьезного.

«Попробую» – решил Витька.

Осень, прохладно уже, Витька снял китель, кепку. Тельника и свитера не носил, майка только. Осень, прохладно уже, Витька снял китель, кепку. Тельника и свитера не носил, майка

только. Противник подошел. Накачанный пацан лет 20, чуть ниже ростом, то ли чемпион местный, то ли брат чемпиона, то ли сын чемпиона.

Ударил сразу, без прелюдий – сделал выпад правой в голову. Разведка.

Витька увернулся и кирзачем вдарил под колено. Этого цыган не ожидал и сорвался. Удары настигли бойца, но руки у него были длиннее, чем у цыгана. Пару смачных прямых цыган и пропустил. Ручеек крови из губы потек и по глазу солидно заехал.

Увидев кровь, цыгане раскричались, бой закончился. Говорят, завтра ждем на реванш.

Офицер быстро приказал в машину прыгать и быстрее выезжать из поселка. Ночь на дворе, мало ли что у цыган на уме. Витька только в машине, за Мкадом понял, что было. Адреналин не давал думать. Закурили с пацанами. «Завтра не поедем».

На следующий день, офицер взял других духов, Витьку даже не позвал. Зачем ему были такие рамсы с цыганами, он то думал, что духа вырубят сразу. Деда, прознали про этот случай, тоже захотели соревнования устроить, а тут и повод как раз есть. День рождение у Попа. Как не выпить, не повеселится, а духи пусть подерутся на потеху. Сержант же будет праздновать. Всем сказали бабки собрать на бухло и готовиться, качаться, боевики вспоминать.

Бои без правил

Вечером в субботу Поп собрал свою братву, взяли водяры, позвали местных девок и уединились в одном из уголков парка. Фонари светят, беседка стоит с крышей, дождик моросит. Когда девчонки по домам убежали, Поп за духами послал. Зрелищ ждет.

Витьке достался один борзый череп. Немного выпивший, нахально улыбается, думает, не стоит того, чтобы марать руки, но не тут- то было. Витька сходу врубил в нос черепу, пока тот приседал, пару раз по корпусу и ногой по хребту. Череп растянулся на земле.

Витька собрался уходить, уже накинул бушлат на майку, оглянулся на офигевших солдат.

– Ван Дамм! Ооооо, давай паря садись, – один из дедов протягивал стакан с водкой, – только добей его, втопчи в грязь, мать твою, черепа уронили, во засада, душара черепа уронил, ха, ха.

– Красава, – Поп махом вылил в глотку еще водки.

Витька взглянул на черепа, который пытался подняться с земли, из разбитого носа хлестала кровь, слезы, сопли, испуганно смотрел на Витьку и пятился назад.

Витька вспомнил как его топтали, ведь и этот чувак тоже был с дедами, кто бил пацанов. Ногой ударил в грудь, с разворота хук справа разорвал бровь и правой добавил в челюсть. Череп со смачным хлопом рухнул в лужу, Витька схватил его за волосы окунул лицом в мутную воду.

На следующий день офицеры провели капитальный осмотр, искали побои, но как провели, так и забыли. Черепа положили на постельный режим, дело замяли, а деда в следующий вечер снова собрали духов. Так было несколько дней, пока победители не вышли в финал. Против Витьки выставили Макса. Они были знакомы с первого дня пребывания в госпитале, но Макс жил в другом корпусе, и встреча на бойцовой поляне, была сюрпризом для обоих, но, в их судьбу вмешался случай.

Об боях без правил доложили командиру и лавочку закрыли. Попу сразу вспомнили все залеты. День рождение, беспробудные пьянки, побои. За ним приехали и увезли сержанта назад на службу, ладно не на Губу, месяц всего остался до дембеля – пожалели парня, да и сор из госпиталя не захотели выносить.

Сержанта заменили на другого, но что толку, если бороться с дедовщиной, то надо тогда всех солдат отправлять по частям, а кто работать будет.

Витька с Максом сдружились после того случая. Раз Витька простудился гриппом и его положили в карантин. Вот Макс и передавал в форточку, то сигареты, то продукты и книги с рынка. Неделю в карантине Витька проторчал, отдохнул поправился.

Дни летели быстро.

Триста баксов

В подельник на развод с офицером пришел местный электрик. Спросил, кто такое фазу от ноля отличает? Витька ответил, что имеет разряд. С этого дня валить деревья стало на одного духа меньше, а его определили в помощники электрика. Работа была не пыльная, сидели в каптерке, ходили по госпиталю, вкручивали лампы, меняли старые розетки и выключатели на новые. Электрик, добрый, разговорчивый, пенсионер, жил не далеко, приносил Витьке бутеры или пирожки, говорил, жена печет. В каптерке стоял маленький магнитофон. Кассеты Витька покупал на рынке, стоили 8 рублей.

Все нормально было, но только днем, а вечером деды житья не давали. Попал на блатное место, так держись его, но деды завидовали, получал иногда сильно. Один раз так вдарили, что на кровать упал, а там гитара лежала. Вдребезги барабан, только гриф остался. Витька играть учился, когда было время, теперь не на чем учиться.

Приходил Витька утром в побоях, электрику разве объяснишь, что произошло. Духов мало осталось. Палаты на четверых, а в Витькиной, одного забрали в часть, а второй закосил.

Услышал парень армейскую легенду – если проглотить марганцовку, то она прожжет желудок и образуется язва, а с язвой, как известно, комиссуют.

Ну, вот сосед Витьки по палате, надыбал в госпитале капсулу, высыпал из неё порошок и засыпал внутрь марганцовку.

– Будешь Вить?

– Нах... – выругался в ответ Витька

Парень взял и заглотил после отбоя, типа во сне не почувствует боли, когда жечь будет желудок. Витька ночью просыпается, а сосед, что закосить хотел, «ихтиандра» зовет, да прямо в палате рвет его черной слизью и марганцовкой воняет жутко. Витек вскочил, окна открыл, побежал в сортир, там утки лежали.

Что не ночь, то ерунда какая – то вечно.

Прошлую ночь их подорвали в двенадцать. Деда приказали обои клеить. Сами продрыкли весь день, палату не доделали, а утром офицер проверит и нагнет. Новые правила ввели – не работаешь – отправляют в часть, пьяным запалили – в часть. Разговор короткий. Работа у дедов легкая: обои поклеить, рамы и полы покрасить. График и план надо соблюдать в любом случае, а если не успевают, то духи по ночам догонят, а не догонят, то вешайтесь утром.

Вот так и пахали весь день и всю ночь, а какому деду хочется по нарядам летать как веник, ведь каждому понятно, это здесь он дед, а в части он косарь самый настоящий. Пацаны лямку рвут, а он на госпитале отлеживается. Нет таким авторитета и ништяков по ночам. Не дед он в части. Потому и злые они, рвут перед шакалами.

Сосед Витьки проблевался. Палата только пахнет марганцовкой сильно, как он только хлоркой не драил. На желудок теперь жалуется, к врачам пошел. «Кишку» заставили глотать. Посмотрели, говорят, жить будешь, «Алмагель» от гастрита выписали два раза в день, а он, взял с дуру и рассказал, что марганцовку пил, что сжег всё внутри, кровью блевал, чтобы еще раз проверили, поверили ему.

Доктор засмеялся: «Так, а что сразу не сказал что хочешь домой, триста баксов ищи. Комиссуем»

Какие баксы после дефолта. Столько и родителям не собрать.

Триста баксов. Цена свободы.

Мерс

Дни пролетали быстро. Электрик уходил в четыре дня, закрывал каптерку на ключ, и Витька шел в гараж. Механик, лет сорока, нормальный мужик, тоже гражданский, не успеваешь командирский «Мерс» к ноябрьским сделать, попросил помощника выделить. Стал Витька в гараже задерживается допоздна. Иногда командир заходил, Витька под «мерсом» лежит, крутит гайки, Серега лампой светит и на вопросы командирские отвечает.

– Сделаешь машину?

– Да, успеем.

– Парень откуда?

Как потом Витька узнал, что командир земляк, да еще и с одного района. Вот земляк – всем землякам земляк. Он каждый вечер приходил, проверял да подгонял парней. Витьку больше деды не трогали, знали, что в командирском гараже работает. Серега постарался, старлея предупредил о последствиях если что. Машину отремонтировали, прокатились. Без Витьки не справились бы. Сергей, после рабочего дня, достал «Три толстяка» с воблой, плеснул Витьке в кружку, по радио Иванов поет про «Московскую осень», вот свобода блин.

Так, что Витька на все забил и даже пиво пить не побоялся. Есть шанс здесь зацепиться и остаться. Не хочется назад в часть, ну что там по нарядам летать и правда. Серега обещал поговорить и попросить перевода Витьки у командира из его части в госпиталь.

Витьку уж должны были забрать назад, и он каждый день ждет что вот приедет за ним Замок и все прощай гараж.

Фантазии развеял командир. пришел говорит.

– Так Витек, гражданка есть? Одежду найди, утром едем домой, в форме не возьму. Родителей наведишь, но из квартиры не ногой, «военного билета» у тебя нет. Особо не гуляй, в ментовку попадешь, объявлю, что сбежал. Понял?

– Да, – весело ответил Витька. Не иначе как Серега постарался. Молодец, все – таки мужик.

Гражданскую одежду Витька стрельнул у Макса. Только ему и сказал куда едет, а Макс поделился, что тоже завтра домой, брат забирает. На всякий случай обменялись адресами.

Макс уже отмазлся, прошел комиссию и ждал военник, это брат подсуетился, и договорился что бы Макс пожил пока документы делают. Сумму не малую заплатил. Брательник у Макса не простой, Витька видел один раз. Подъезжал на черном «Джип Чероки». Лысый, накачанный, кожанка, цепь золотая на шее. Макс говорит, из люберецких.

Рано утром Витька встал, переоделся в гражданку, и пошел в гараж, дожидаться командира. Тот прибыл в срок, открыл гараж, прогрел машину.

– Холодно сегодня, – командир достал из пакета кожаную куртку. – на, накинь, да и если остановят, не так и выделяешься.

Витька такую куртку и не носил никогда, прям как у брата Макса, размеров на пять больше Витькиного размера.

Сели в «Мерс», поехали домой.

В дороге молчали, музыку слушали, Наговицына, Трофима. Когда приехали, зашли домой к Витьке. Командир познакомился с родителями, отметил, чтобы не отпускали никуда.

– Пусть дома сидит, – и уехал.

Витька обрадовался, мама картошки нажарила, выпили с отцом, тот рассказал, как на Присягу выехали на «Москвиче», да не добрались, такой ливень начался, дорогу затопило. Так и проговорили допоздна. Утром Витька вскочил, думал приснилось и подъем пропустил, но, нет, дома. Чем теперь заняться?

С отцом дядю навестили, на рынок зашли, мимо дома бывшей подруги Витьки проходили, норовился забежать, но удержался. Она написала ему в армию письмо, что молодость идет, сидеть дома не будет, ждать не хочет. Витька выяснять отношения не хотел. Время перемелет.

У друга взял аудиокассет, послушал, чем еще заняться? Все фильмы пересмотрел что отец покупал и менял за это время. Нечем дома заняться. Вечер с друзьями провел во дворе, вопросов было много, а в воскресенье уже пора и в часть. Командир заехал, как и договаривались, мама гостинцев подарила – ягоды, грибы, варенья, маринады. Витьке сумку продуктами набила, что бы пацанов угостил.

Назад в госпиталь ехали, болтали, по пути перекусили, машину заправили. Вьюга сильная налетела, ехали медленно.

В часть вернулись, Витьку солдаты встретили. Сначала по-доброму попили чая с гостинцами. После отбоя деда приняли что, покрепче чая, и решили, что пора учить борзых духов.

Потасовка началась серьезная, но короткая, командир не уезжал на квартиру, а остался ночевать в корпусе, он то и поднял кипеш.

До обеда следующего дня пребывание на госпитале для солдат закончилось, приехали офицеры из частей и развезли служить по месту прохождения. За

Витькой и вторым солдатом приехал Замок, забрал документы в штабе и

Витька то же покинул госпиталь, не успел даже попрощаться с электриком и механиком.

Вещи даже не успел забрать из кааптерки.

Командировка закончилась.

Привет родная часть.

Крокодилы

После приезда из госпиталя, сослуживцы на Витьку смотрели не приветливо. Слоны в спальное расположение отвели. Чича пришёл, в упор лежа положил. Витька отжимался и не видел, как сержант залез на второй ярус койки и прыгнул на него, пятками по почкам.

– Крокодилов давно не сушили, – ржал Чича. – Всё впереди пацаны. Добро пожаловать в ад.

Фильмов пересмотрел. Витька и не такое видел в госпитале, а с «крокодилами» познакомился, как и весь период, после карантина. Синяки на теле замполит отслеживал, поэтому задрачивали чисто спортивно.

Сушить крокодилов – на перекладинах кровати отжимаешься, а кого еще сушили?

Еще сушили летучих мышей это то же самое, только под кроватью, тяжелое и изощренное издевательство.

Самое прикольное было – это сушить попугаев, сидит Витька на перекладине кровати, точно на жердочке, держась руками что бы не упасть. Дед тем временем «охотится» на попугаев, сбивая подушкой духов. Кого сбили сразу принимает упор лежа.

Очень изобретательно и занимательно, но не для духов.

Как еще развлекались деды?

Слышали, как ставят лося? Приставляют ко лбу скрещенные ладони в виде рогов, а дед со всей дури бьет кулаком или если уж совсем дух провинился, то табуреткой. Дух благодарит дедушку: «Спасибо! не желаете ли ещё?». Дед повторяет или же переходит к музыкальному лосю. Дух разводит руки в разные стороны, и медленно подводя их ко лбу напевает: «Вдруг как в сказке скрипнула дверь, – получает удар по рогам и продолжает, – все мне ясно стало теперь».

Еще есть «Любопытный лось» когда руки приставляются ко лбу, но потом дух медленно выглядывает из-за них.

«Бешеный лось» когда дух прыгает рогами на стену, тумбочку, кровать. Куда дед скажет туда и прыгает, а если дедушке и этого недостаточно, то быстренько пробивает фанеру.

– Грудь к осмотру, – Ставь фанеру!

– Я, фанера трёхслойная, бронебойная, 79-го года выпуска, к выстрелу готова, – докладывает дух, дед бьёт кулаком в живот, а дух продолжает – Дым рассеялся, откат нормальный.

Самое простое это «Табуретка». Дух берет табуретку за ножки, и наполовину присев, держит на вытянутых руках. Укрепляет бицепсы и мышцу ног. Слоны считают, деды ставят на того, кто дольше продержится.

Самые стойкие деды умудрялись еще «Кросс» устраивать. Духи ползали наперегонки под кроватями, кто отстал – переходит на следующий уровень, заново ползает, и так до последнего, а последнего ждет... да что придумают, то и ждет. Скорее всего надоест и уйдут жрать «Дембельский торт» в столовку. Макс приготовит вафельный с слоями сгущенки, а потом видак смотреть и чай гонять допоздна.

Котики

Витьку отправили в наряд, народа не хватало, дембеля уходили домой. Со дня на день привезут новую команду молодых, и духи станут слонами. Слоны черепами, а деды дембелями.

В «ленинской» зависали дембеля. Клеили альбомы, смотрели фильмы, а когда надоедало, то поднимали духов и соревнования устраивали.

Ротный решил развлечь дембелей и тоже устроил соревнование, только по своим правилам. Не хотят дембельский аккорд пахать, холодно на улице, разогреем пацанов.

Раз в неделю заступал в наряд, дежурным по части, ночевал в канцелярии на раскладушке. Ночью подорвал роту.

– Боевая тревога.

Марш-бросок по территории части по кругу. Пробежались отбились. Молодцы ребята, а пока вся рота бегала ротный шмонал тумбочки и нычки. Досталось дедам и дембелям. Тельники порвал, дембельские альбомы и фотографии забрал, неуставные вещи в канцелярию отнес. С ротным шутки плохи.

Вот такие кроссы ротный часто делал и называл: КМК – «Курс Молодого Котика». Тоже фильмов западных пересмотрел, в наряде видак смотрит – «Солдат Джейн» «Майор Пейн» «Взвод», «Апокалипсис сегодня» и т. д. Сержанты наменяли кассет про американских джи-ай.

Один такой КМК надолго рота запомнила. После обеда, до заступления на наряд, раздали автоматы из оружейки, выдали ОЗК, напялили их на шинели сверху, и вперед на территорию. Полное погружение в боевую реальность. Сержанты бегут, подгоняют, тропа узкая, приходится по сугробам пробираться.

– Рота газы, вспышка слева, вспышка справа.

Нифига не видно, пот застилает глаза в противогазе. В сугробы поныряли славно, насквозь потные вернулись в роту. Оружие сдают, у одного солдата – нет автомата. Ротный назад выгнал сугробы прочесывать. Темно уже, время отбоя скоро, рота ползает под светом прожекторов, по местам «боевой» славы.

Не удивили, нашли, вернулись в роту. Ротный объявил – взвод потеряшки чистить плац, пока снег не уберет – спать не будете, остиальные подшитесь и отбой,

Витькин взвод охраны в полном составе, с дембелями вместе, вышел на плац, за ними шелкнула замком дверь казармы, ротный сказал:

– В окно наблюдаю. Один не работает, на час больше, после очистки, два не будет работать – на два часа.

Ротного понять можно вместо того, чтобы домой идти, АК искал, остался в роте на раскладушке. Чистят пацаны плац, снег падает, кидать уже некуда – два этажа сугробов вокруг

плаца. В час ночи пошли стучаться в дверь. Ротный назад послал, говорит, видел, что курили. На плацу курить косяк. Два часа накинул.

В три ночи запустил в казарму, рухнули спать. Утром духам отвесили в сушилке, а после отбоя, те кто не в наряде, снова попали на «крокодилы».

Дембелям в кайф, будет что вспомнить.

Главное автомат нашли, а то дембеля не видеть.

Новогодняя ночь

Витька каждую ночь ходил в патруль больше месяца, не меняясь. Днем в пахоте, ночью в патруле. Декабрьские, суровые, холодные ночи – выдавали тулуп, одевался поверх шинели и огромные валенки, прямо в кирзачах в них залазишь и ноги не замерзнут. Башка у Витьки не соображала уже, столько времени спать два раза по два часа.

Решил, значит он закосить, а для этого надо заболеть и заболеть железобетонно, иначе не примут, народу в наряды не хватает, дембеля уходят, на носу Новый год.

Идет Витька по маршруту, снег идет, сугробы лежат, расстегнулся по пояс. Прошел минут десять, замерз, через какое-то время разулся, постоял ногами на снежной тропе, замерзли ноги, но затея не получилась. Не берет его мороз, так и придется в патруле ходить пока молодые не придут.

В новогоднюю ночь дежурным по части заступил замполит и поставил в наряды старший период, кроме рабочих в столовой. Витька вдохнул, ну наконец-то «спать». Еле дождался вечера, но не тут-то было. Вместо отбоя загнали в «Ленинскую комнату» писать поздравительные письма, а в 23:00 повели солдат Новый Год встречать в столовую.

По середине стоит елка с разноцветной гирляндой. В углу поставили телик из Ленинской комнаты. включили ОРТ, шло что-то новогоднее. На столах, в тарелках россыпи нарезанных фруктов: яблоки, мандарины, бананы. Поодаль колбаска лежит дольками, в мисках селедка под шубой и салат оливье, а конфеты? И конфеты с печеньем и полторашки с лимонадом стоят. обо всем позаботилась родная часть.

Солдаты расселись, вошел командир, сел во главе стола, рядом расположился замполит.

Рабочие разносили горячие блюда: картофельное пюре с тушенкой и каждому по жаренному окорочку. Командир встал двинул речь, замполит пару слов сказал, потом по телику взял речь Борис Ельцин. После боя курантов поздравляли друг друга, «чокались» алюминиевыми кружками.

Зашел старшина и позвал на плац фейерверки запускать. Командир приказал не бухать и ушел домой, а вот замполит остался следить за солдатами, точно мамка, и накормит и спать уложит.

После салюта в столовку чай с торгом пить. Витьку посадили за стол к черепакам, те ждали быстрее свалить отметить праздник, но замполит пока присутствовал здесь и все терпеливо ждали.

Замполит взял на себя роль ротного тамады, говорит: «Давайте ребята танцевать». Включили магнитофон. Устроили дискотеку.

В час угомонились. Витька еле до койки добрался, спать рухнул и больше ничего не помнит.

Дневальный поднял на час позже, завтрак включал в себя жаренную картошку с мясными котлетами. Развода не было, весь день в «Ленинскую» телик смотреть, выходили на территорию снег кидать, расслабляться нельзя – привыкнуть можно.

Старшина духов вызывал в каптерку по одному и раздавал подарки. Кому что, а Витьке сапоги выдали новые и портянки. Комок менять было еще рано.

В «Ленинской» пацаны смотрели фильмы, писали письма. Вечером под «Однажды в Америке» на РТР парни захрапели, старшина пришел и принес видеокассеты с фильмами повеселее «Смертельное оружие 4» и «Люди в чёрном».

Витьку не ставили в наряды несколько дней, устроили новогодние каникулы, а потом опять понеслось....

Часть 3. Слон

Духи приехали

Духи приехали. Пацаны смышлёные, нормальные. Витька и парни с его периода, объясняли «молодым» правила. Традиция такая – их учили, и они передавали свои знания молодежи.

Собрали духов в спальном расположении, познакомиться, пообщаться, рассказать, что здесь почем. Дедовщина им самим в зуб не уперлась, решили поломать они эту традицию, но пока у руля деда и черепа изменить ничего не получится.

Так что рассказывал Витька «зелени» о части, в которую они приехали служить?

– Пацаны, запомните, духу запрещено всё. Не всё – а ВСЁ!

Начнем с кровати. сидеть или лежать на кровати одетым не положено, нельзя лежать на кровати до отбоя или отдыха перед нарядом.

Каждый вечер, перед сном, вы расправляете кровать дедам. Для того что бы было не заметно со стороны, что кровать расстелена – наверх аккуратно стелется одеяло, и дедушка, когда ложиться одним взмахом руки накрывается. Утром постель должна быть идеально заправлена.

Дежурные после подъема, каждое утро, наводят порядок. Вот так тапочку берем и отбиваем одеяло по краям. Подушки и три полоски на одеялах должны быть в один ряд на всех кроватях. Это достигается так – тяните нитку от первой кровати до последней и равняете подушки и полоски. На обоих уровнях – и нижнем и верхнем.

Это касается всего – кровати, прикроватные тумбочки, табуретки. Все в армии должно быть параллельно.

Тумбочка. В тумбочке не должно быть лишних вещей, кроме умывальных принадлежностей, ручки, тетрадки, писем. Письма должны находится только в тумбочке, а никак не в карманах. А еще в карманах не должны находится ваши руки. Если кто запалит, то не обессудь – набиваешь карманы песком и зашиваешь.

Если дед просит найти сигарету, то в течении двух минут предоставь ему сигарету. Если не находишь за две минуты, то можешь рассчитывать на бонус – еще две минуты, после которых будет уже не одна сигарета, а четыре.

Если попросит с фильтром, когда во всей роте нет сигарет, даже «Примы», то, что делать?

Метаться, метаться и еще раз метаться, обращаться к нам по любым вопросам, мы поможем, подскажем. Даже с вопросом про сигарету. По незнанке будете искать, а это прикол, смотря кто скажет и какой будет итог – лося легче получить чем в самоволку за сигаретой уйти и всю роту подвести под незаслуженное наказание.

Деда будут спрашивать за косяк с черепов, те в свою очередь с нас, слонов, а мы уже с вами обязаны разбираться.

Запомните, черепа ребята борзые, им год служить, они рвать будут и в любом случае вы обращаетесь только к нам, а не к другим периодам.

КПП

Витьку совсем недавно перевели в слоны. Как положено бляхой солдатского ремня, отхлестали шесть раз по заднице. Слонам открывались другие горизонты, а еще ставили помощником дежурного на КПП. Первый раз Витька идет, волнуется, устав зубрит. Дежурным

с ним заступает Леха Аляскин. Нормальный парень, хоть и дед, давно на кэпэ ходит – покажет, научит.

После развода получили штык-ножи в оружейке, расписались, заступили в наряд. Витька сразу на территорию снег чистить, мелкий, но выпал. Машины в часть прибыли. Офицеры все из части убыли. Дежурный приходил, проверил, пошел роту отбивать. Леха напутствие дает перед тем, как в казарму идти спать. Четыре часа дается каждому на отдых. Дежурный с отбоя до двух ночи спать пошел, помощник с двух ночи до шести утра.

Молодой Витька еще, утром офицеры встречать, да машины записывать в журнал. В роту отзвонили. Леха ушел. Опустело КПП. Письма домой написал, покурил, прибрался. Леха пришел.

Витька в роту потопал спать.

Утром в шесть утра как штык на КПП. Дежурный уже выпустил «хлебовозку» на хлебо-завод.

«Греби снег, – говорит, – командир приедет в восемь, по головке, не погладит».

Офицеры подтягиваются. Сначала замполит прибыл, доложили на тумбу в роту, а вот и командир на «Волге» подрулил. Ворота открыли, запустили, честь отдали, в роту сообщили, что командир в части.

Вот и начался рабочий день на КПП.

Машину запускаешь – номер записываешь, и время прибытия в колонку «прибыл», машину выпускаешь – время пишешь в колонку «убыл».

Офицеров также, пришел – время записал в журнал, ушел – время записал в журнал. Родители приехали к солдату, паспортные данные занес в журнал и в роту сообщил. Дневальный солдата найдет, а тот к замполиту бежит за разрешением. В части увольнений не давали, но была комната отдыха на КПП. Пом. деж открывает комнату, запускает родителей. Те, угощают конечно же солдатика и сигаретами, и сладким. Замполит четыре часа давал на свидание, но если из далеких городов, то с утреннего развода до отбоя.

ШТЫК-НОЖ

На КПП время быстро летит. С метлой листу метет, но зато за воротами КПП. Гражданка даже пахнет по-другому. Перекур устраивали, Леха не умолкает, байки травит, случаи рассказывает.

Был такой случай. Новый призыв еще не пришёл и солдат в наряды не хватало, вот и ставили дембелей на КПП, а КПП – халява для них, знай, спи себе и в ус не дуй. Дембеля даже заступают не дежурными, а помощниками, чтобы ответственности не нести.

Вот и Лехе повезло – заступил на дежурство с таким. Не сегодня – завтра демобилизуется. Снега много намело. Леха с лопатой на территории зависает, КПП чистит. Смену протянули, но наряд сдавать надо, а снег валит и валит. Дембель смотрит на часы, наряд кончился, и в роту пора идти, говорит: «Давай штык-нож, а сам, оставайся, наряд сдавай», другими словами: «Кидай, ты, Леха снег до отбоя, а я телик пошел смотреть».

Парень и залупился, а дембель как брякнет штык-ножом ему по лбу, а нож возьми и прямо у гарды, где кольцо переломился. Леха парень не хилый, ряха рязанская, отожрал на казенных харчах, вот нож и сломался от удара.

Все знают, что штык-нож и автомат, имеют парный номер, допустим АК-74 №7182603, соответственно нож №603. Номера личного оружия закреплены за бойцом и прописаны в военном билете, и сломать нож, это залет, стопудово наказание жди.

Тут Леха прервал рассказ.

– Шухер, командир едет.

Командира проводили, КПП еще раз вылизали перед сдачей.

– Лех, так чем кончилось-то всё?

Леха улыбнулся.

– Дембеля редко ходят в наряды, а заступив, берут любой нож, но только не свой. Мало ли что случится, потеряют или как этот вот сломал, а свой нож сломал бы, так и дембеля не увидел бы. Потом то всё вскрылось, когда он дома уже был.

Наряд приняли быстро, без выкрутасов. Ламбрекены никто не искал, как в «Солдатах», а ты попробуй поищи у Лехи. С дедом шутки плохи. Враз отоварит. Кулаки у него большие.

В роту вернулись, доложили. У дневального в тумбочке, внутри прибит железный ящик, который находился на замке, а ключ хранится у дежурного по роте. В этот ящик запирали оружие, когда солдат, находившийся в наряде, приходил ночью на отдых в роту.

Дневальный ящик открыл – солдаты сдали оружие – теперь свободны. Дежурный по роте, при сдаче наряда, сам относит ножи в оружейную комнату и раскладывает их в ячейки, по номерам, где стоят автоматы.

Первое дежурство прошло без происшествий.

Патрон

23 февраля Витька в наряд не попал, думает вот как – телик посмотрит, на гитаре поиграет, но не тут-то было. Ротный заступил дежурным по части и после ужина вывел роту на плац.

Поздравил с праздничком, обрисовал задачи, выявил недостатки в работе наряда и сделал выговор первому периоду, не хотят, видите-ли, молодые познавать азбуку Морзе. Поэтому в честь дня Защитника Отечества, будет знакомить салаг с Курсом Морского Котика, а для профилактики подтянуть и роту, закрепить, у старших периодов боевые навыки.

Деда подняли вой, но деваться было некуда – откажись и сразу от ротного наряд в столовку. Опустит и деда ниже плинтуса. Ротный такой.

Рота получила ОЗК, автоматы и вперед – на территорию части, в сугроб по пояс проваливаясь, рота начала марш-бросок не хуже сурового натовского спецназа.

– Вспышка справа!

– Вспышка слева!

Духи плачут, в шоке от того, что происходит, служат меньше двух месяцев. «Вспышка».

Витька падая – отдыхает, но это только секунд 20, умоется снегом, в горле пересохло – снега съест и снова подъем.

Деда пенделя раздают направо и налево, грозятся ночью убить и словно и черепов. Ведь ротный выгнал, даже наряд, даже старшина бежит рядом.

– Газы!

Витька противогаз натягивает и задыхается, сопли, пузыри, но в бой, стойко перенося все тяготы армейской службы. Ведь когда-то это все закончится!

Гонял ротный почти час, пока сам не выдохся бегать. Пришли в казарму, сдали оружие, ОЗК, вот и кончились бега на выживание. Деда накувыркались по сугробам и пришла им заманчивая идея сфотографироваться с АК, а то может не выпадет такой случай больше. Рота оружие сдавала, а пацаны быстренько встали у курилки и давай позировать, ну вот один дед и передернул затвор, дослал патрон в патронник, передал другому, тот тоже взял и передернули, патрон вылетел и напрямиком в сугроб. Залет бойцы.

Искали, пока не стемнело. Когда сломалась водонапорная башня, воды не было в казарме, так вот и брали из столовой большие котлы, в которых повар суп варит, наполняли их снегом и топили снег на плите, для супа, чая, компота. Снег брали из разных чистых мест, где не ходили, не топтали.

Вот и сейчас деда применили этот способ розыска патрона. Набивают солдаты снегом бак и на плите греют, снег растапливают. Снег растает и патрон в воде на дне бака должен быть. Как

бабахнуло, пуля срикошетила в бак и из него полилась струйка воды на раскаленную плиту. Патрон то не внутри бака оказался, а застрял в шапке снега над баком – снег то не утрамбовывали, вот и соскочил и на плиту.

Слава Богу, никого не убило. Ротный даже не знал, что с ротой делать. Наказание то уже было и ничего из этого хорошего не вышло, решил оставить на следующий раз.

Витька портянки выжал как половую тряпку после мытья взлетки, вот какие сырые. Простирали и в сушилку повесил, а после отбоя черпаки «слонов» в спальню позвали.

За духов получать. вот такой получился праздничек 23 февраля.

Шинелька

Старшина выдал Витьке новую шинель, а дело было так...

В котельной хватало дел, но не хватало времени на перекур, тем более, когда постоянно зависит майор и командует каждым шагом. Какой перекур, если и обед пропустили. Только час спустя майор отпустил по одному в столовку. Сначала Мазута бегал, Витька работал. Мазута прибежал, подмигнул, куревом пахнет за километр.

Настала очередь Витьки питаться, побежал в казарму в столовку. Курить охота, а где? У котельной некурящий майор палит, в курилке у роты не к месту и времени, все на плацу на разводе, а там курилку как на ладони. Увидят мало не покажется.

Решил Витька курнуть по пути, встречных не предвидеться – развод же идет.

Была не была.

Достал сигаретку, да «Приму», какую еще, спичкой по коробку чиркнул, прикурил. Идет курит, сигарку в руке прячет. Ничего не предвещало беды, как услышал Витька впереди громкий голос командира.

Развод кончился, идут навстречу, а надо ж честь отдавать и окурочок бросить не куда – по кругу асфальт, духами подметенный.

Витька плюнул на фитиль, пальцем затушил и в карман спрятал. Нашел куда прятать, но ничего не попишешь, вовремя. По дорожке, из-за мемориальной доски героям ВОВ, бодро идут командир, замполит и парочка офицеров. Витька вытянулся по стойке смирно, чеканя шаг, рука взметнулась к шапке.

– Пронесло – выдохнул Витек, забежал в казарму, шинель в сушилке повесил и нырнул в столовку. Казарма пустая, все на плацу маршируют. Макс, повар, налил в миску борща и катрофана навалил с котлетой. Сел рядом, чай пьет, рассказывает байки из кухонной жизни.

Витька доел ведь уже, как услышал крик дневального: «Пожар!». Они с Максом вскочили и в коридор – дым из сушилки, забегают, Витькина шинель тлеет и дымит как дымовуха из «школьной линейки». Витька шинель на пол скинул и затоптал. Дырища приличная. Дневальный заглядывает

– Что как?

– Да, все затушил, все на плацу? В роте есть кто?

– Никого

– Класс, ты не говори никому, а там решим.

Дневалил друган Витьки, говорит

– Не бойсь, нам же и попадет.

Макс притащил свою шинель, одевал один раз, лежит без дела, повар же с кухни не ногой.

Витька в котельную назад, до ужина в пахоте. Вечером после ужина старшина вызывает в каптерку, говорит знает о происшедшем, да Витька и не скрывал, сам хотел обратиться. Старшине и попадет если увидят офицеры прожжённую шинель.

Выдал старшина шинельку, в бытовке быстренько подписал хлоркой, спичкой выводя фамилию и номер части на внутренней стороне.

На следующий день, до развода, Витька сбегал в котельную и опалил низ, чтобы не мохрился. На разводе увидят неопаленку попадет. Старшина проверил перед разводом, похвалил.

С каждым случается, но залет с сигареткой перед командиром был бы серьезнее, но зато без порчи казенного имущества.

За ворота

Командир на разводе выбрал троих солдат, велел ждать на воротах. Витька попал в то число. После развода зашли в роту, поменяли длинную шинель на короткий бушлат времен отечественной. Стоят ждут на КПП командира, гадают куда поедут работать. Командир редко забирал работников сам лично.

К КПП подошел мужичок, спросил командира, а вот и он собственной персоной. Говорит, поступаете в распоряжение этого мужичка. Бойцы потопали за мужиком.

От КПП спускается асфальтная дорога к трассе, слева от дороги находилась большая мемориальная доска и памятник погибшим воинам во время ВОВ, за ними возвышалась, играя золотом на куполах, Казанская церковь. Служба в церкви не проводилась, само здание реставрировали, постоянно шли работы, строители стояли на лесах и мастерили с утра до вечера. Церковь хорошо просматривалась с внутренней территории части, и постоянно освящалась ночью. Патрулем идет солдат по маршруту, а впереди церковь сияет.

Где церковь там ищи и кладбище, которое располагалось за забором, справа от дорожки от КПП. По выходным и когда проходили похороны, всегда на пяточке перед КПП скапливалось большое количество машин. Витька, когда дежурил на КПП, часто выходил убирать территорию и спускался на развилку что бы стрельнуть сигареток как можно больше. Однажды хоронили «братка», территория перед кладбищем вся была заставлена внедорожниками и шестисотыми. Витьке сигареты не штучно, а пачками давали и денег совали. Подошёл к джипу, внутри водила курит, спросил сигаретку, заднее стекло опустились вниз, девушка протянула пачку «Ротманс» в широкой квадратной коробке с двойным отсеком. Витька никогда таких и не видел, настрелял еще «парламент-кэмел-мальборо» отдал в роту, а «Ротманс» спрятал от дедов и курил только когда один оставался на КПП стоять. Братков в те годы хоронили часто, Витьку как-то раз угостили початой черной пачкой «Давидофф», тоже берег как зеницу ока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.